

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ САМОКОНТРОЛЯ В СВЕТЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

С опорой на модель речемыслительного процесса и на классификации причин речевых ошибок обосновывается роль самоконтроля, функционирующего на разных уровнях осознаваемости при взаимодействии контроля «для себя» и контроля «для других».

Ключевые слова: продуцирование речи, речевая ошибка, классификация ошибок, самоконтроль.

Вводные замечания

Предлагаемая статья является непосредственным продолжением предшествующих публикаций [16; 17], где были рассмотрены некоторые ошибки в речи на русском языке, обсуждены различные термины, связанные с процессом самокоррекции речевых ошибок, определена роль осознаваемого и неосознаваемого самоконтроля в речемыслительной деятельности человека, обоснована мультимодальная природа функциональных опор, обеспечивающих разделяемое знание, достаточное для взаимопонимания между общающимися.

В частности, по результатам сопоставления дефиниций русскоязычных и англоязычных терминов (в том числе: «рефлексия», «языковое сознание», «интуиция», «мониторинг», «metalinguistic awareness», «metalinguistic skills», «attentional control») было установлено, что имеет место наличие ряда терминов, с различных сторон отображающих особенности обсуждаемой ситуации. Авторы публикаций фактически подходят к этой ситуации с весьма различающихся позиций. Так, можно противопоставить увязываемые с самоконтролем: индивидуальный опыт – социальный опыт; вербальные и невербальные опоры; дискретные вербальные единицы – мультимодальный гипертекст; логическое рассуждение – эмоционально-оценочное переживание; сознательный контроль – бессознательный контроль; алгоритмический поиск – эвристический поиск; фокусирование на форме – фокусирование на смысле; механическое воспроизведение – активное конструирование; принятие стереотипов – преломление через личностные факторы; опора на знание об объекте – опора на опыт действия с объектом; формальные опоры – функциональные опоры и т.д.

Каждый из рассмотренных терминов к тому же может по-разному интерпретироваться с позиций того или иного научного подхода, но так или иначе имплицитно подразумевает наличие контроля, который может быть метаязыковым, требующим определённых способностей и/или навыков, опирающимся на «чувство языка» или на «метаязыковое сознание», осуществляемым самим индивидом или «со стороны» и т.д. Может иметь место уточнение цели контроля, его вида и формы осуществления, сферы применения, ожидаемых результатов и т.д. Отсюда вытекает актуальность обращения к сути механизма кон-

троля и к проявлениям специфики самоконтроля при овладении и пользовании языком – родным или вторым (иностранном). Однако это требует перехода от обсуждения дефиниций терминов к рассмотрению специфики именуемых этими терминами процессов и используемых при этом стратегий и опор. Поэтому далее речь пойдет об основополагающем принципе обратной связи, в основе которой в процессах речемыслительной деятельности человека лежит СМЫСЛ, реализация или поиск которого направляет оценку получаемого результата как положительного (принимаемого в качестве соответствующего замыслу) или отрицательного (требующего коррекции).

Контроль в речемыслительной деятельности человека

Б.М. Величковский даёт следующее определение понятия «контроль»:

«В когнитивной психологии, как и в реальной жизни, *контроль* есть проверка соответствия процесса некоторой цели (эталону) и осуществление мер по восстановлению соответствия, если оно оказывается нарушенным. В потенциальном списке таких мер на видном месте находятся разнообразные операции запрета, торможения и подавления, направленные против мешающих достижению цели воздействий» [1: 301].

Суть этого определения можно отобразить с помощью схемы, представленной на рис. 1.



Рис. 1. Общий ход процесса контроля (по: [1])

Необходимо сделать некоторые уточнения, непосредственно связанные с обсуждением ситуации самокоррекции ошибок в речи, а это требует обращения к той или иной модели речемыслительного процесса. Следует также установить, что именно может выступать в роли «эталона», с которым сопоставляются результаты, получаемые на различных этапах рассматриваемого процесса, чем могут быть обусловлены отклонения от желаемого продукта и т.д. К тому же возникает вопрос: является ли обратная связь полностью осознаваемой?

Для демонстрации роли смысла в речемыслительном процессе ниже (см. рис. 2) приводится модель принципиальной организации речемыслительного

процесса, в ходе которого формируется и находит свое внешнеречевое выражение некоторая мысль. Эта модель была представлена ещё в 1977 году в работе [9: 14; воспроизведено: 12: 39], но сохраняет свою значимость для обсуждаемых вопросов по следующим причинам, отличающим её от других (в том числе и более поздних) моделей.

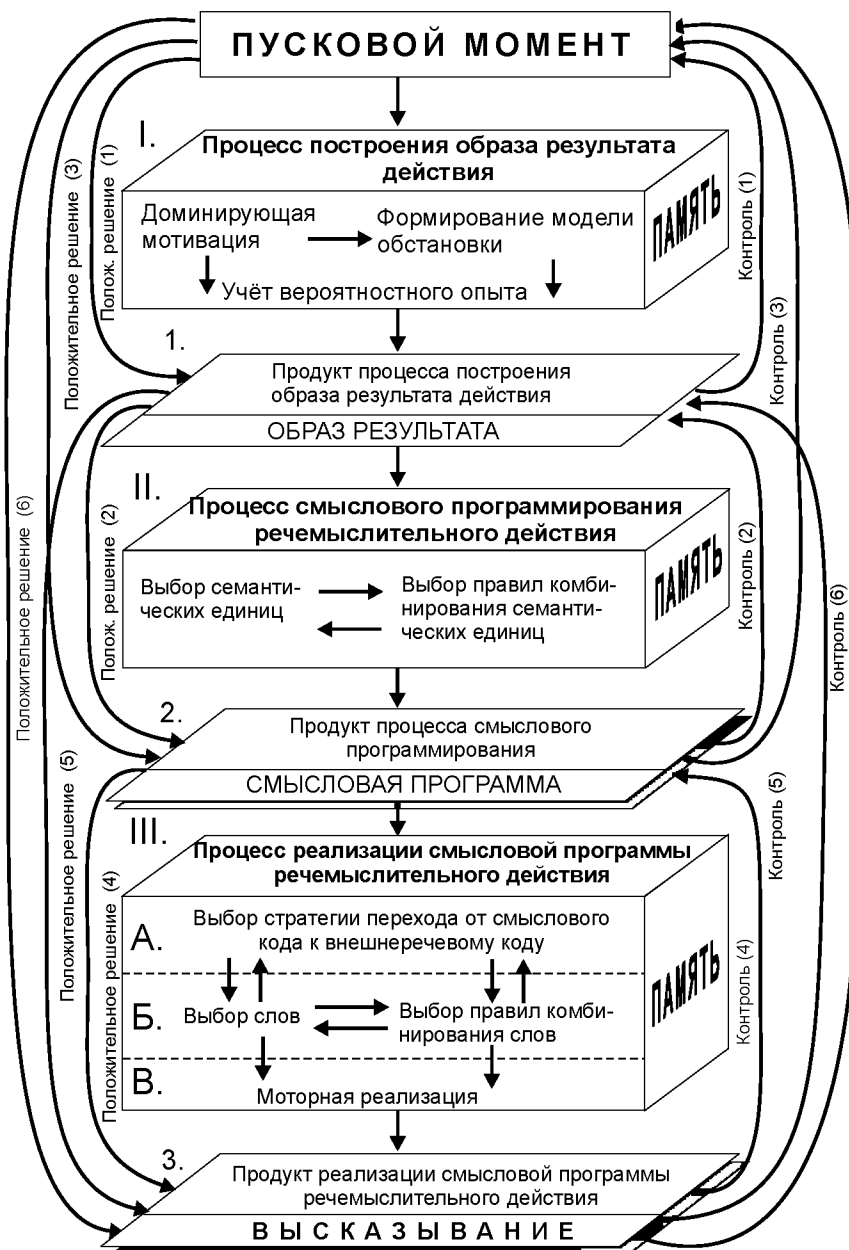


Рис. 2. Модель речемыслительного процесса [9: 13]

Во-первых, посредством выделенных плоскостей, условно разграничивающих различные этапы обсуждаемого процесса, акцентированы получаемые в каждом случае продукты (результаты). Во-вторых, показаны множественные петли обратной связи, каждая из которых может сигнализировать о положительном или отрицательном результате очередного этапа речемыслительного действия. В-третьих (и это принципиально важно!) внимание фокусируется на роли пускового момента и образа ре-

зультата речемыслительного действия как направляющих весь ход вербальной манифестации замысла высказывания: именно к ним возвращаются все петли обратной связи. В-четвёртых, показано, что всё происходит при обращении к единой информационной базе человека – его ПАМЯТИ, из которой черпаются необходимые для реализации соответствующих процессов опоры и стратегии оперирования ими (без ограничения только вербальными единицами, поскольку единая информационная база трактуется как совокупный продукт переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению).

Обратим внимание на то, что в более позднем исследовании [15; 25] такая трактовка продуктов переработки опыта познания и общения привела к описанию единой информационной базы человека как мультимодального гипертекста («живого знания»), навигация по которому при реализации замысла высказывания направляется определённым набором продуктов максимальной компрессии смысла, благодаря которым оказывается возможным учёт разнообразных выводных знаний, в свою очередь обеспечивающих переживание понятности/непонятности, достоверности/недостоверности, приемлемости/неприемлемости и т. д. того или иного пути реализации замысла высказывания, что хорошо согласуется со спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста, вербально описанной ещё в 1988 г. и представленной в виде рисунка в публикациях, начиная с 1999 г. (см. рис. 3).

Эта модель была разработана почти 30 лет тому назад, поэтому следует внести в неё следующее уточнение: обозначение «картина мира» должно быть заменено на «образ мира», поскольку за это время произошло размежевание терминов «языковая картина мира» и «образ мира» в психолингвистической трактовке. Сама схема сохранена как попытка: (1) фокусироваться на преломлении всего, что входит в сферу деятельности субъекта, через имеющийся у него образ мира; (2) показать постоянное воздействие факторов внешнего и внутреннего контекста; (3) отобразить изначальную взаимосвязь между опорой на прошлый опыт и прогнозированием последующего (в том числе – по линиям и языковым, и энциклопедическим знаниям, и возможных следствий из тех и других); (4) указать на возможность различной «глубины» раскрытия гипотетической спирали (до условной «линии горизонта», достаточной на каждый текущий момент для решения той или иной задачи, например, для достижения консенсуса при общении); (5) подчеркнуть (посредством изображения ряда горизонтальных плоскостей – условных «срезов») наличие множественных связей (см. стрелки на примерах таких плоскостей) на любом уровне глубины процесса идентификации слова.

Представляется важным особо подчеркнуть, что сочетание моделей, приведённых здесь на рис. 2 и рис. 3, призвано отобразить чрезвычайную сложность взаимодействия множества процессов и их продуктов, функционирующих на разных уровнях осознаваемости и обеспечивающих индивиду саму возможность «выхода», с одной стороны, на мультимодальный гипертекст пред-

шествующего опыта при идентификации значения слова «для себя», а с другой стороны – для поиска слова как социально принятого средства вербальной манифестации кванта смысла «для других».

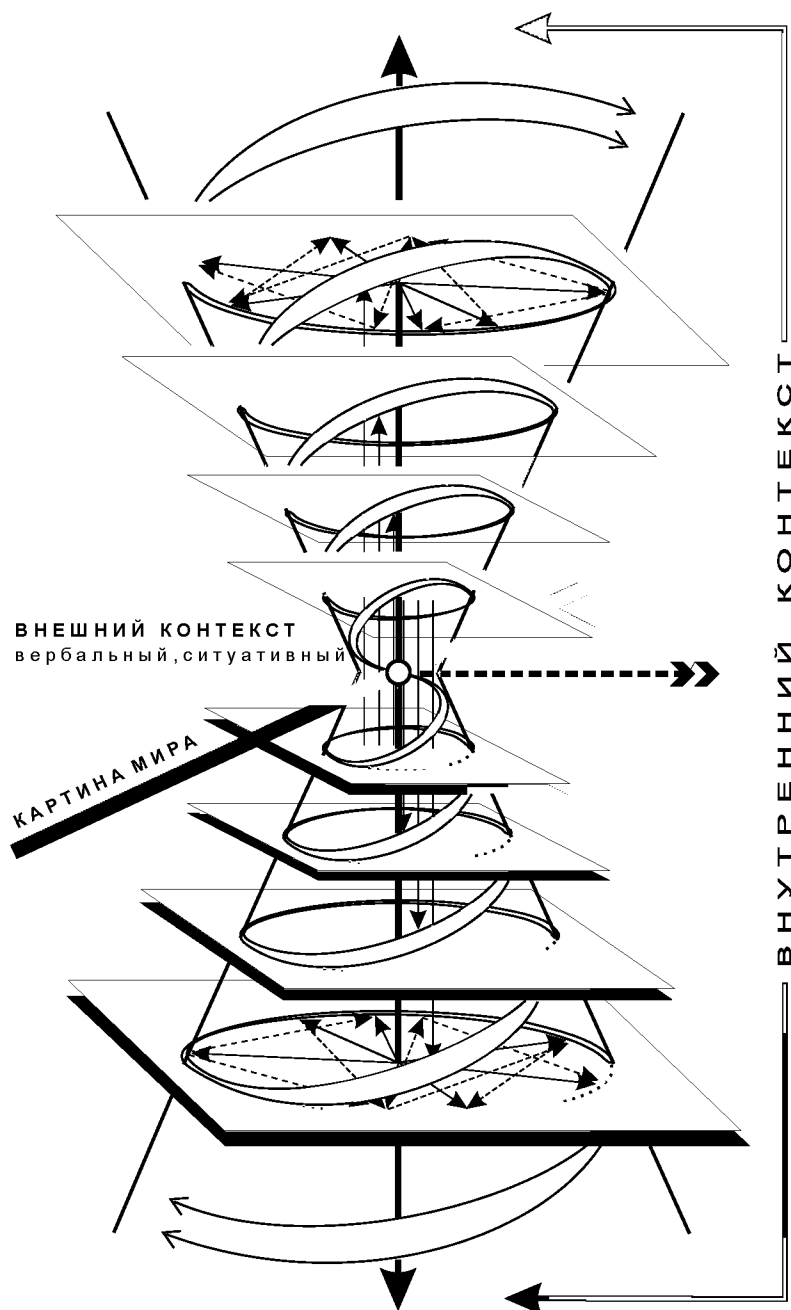


Рис. 3. Спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста [12: 435]

Следует отметить, что приведённая на рис. 3 модель полезна также и для обсуждения проблемы разделяемого знания, т.е. нахождения того, что обеспечивает взаимопонимание при общении или понимание читаемого текста: имеет место «раскручивание» гипотетической спирали до такого базового уровня, выше которого знание оказывается слишком обобщённым, абстрагированным, а ниже – излишне дифференцированным и лично «окрашен-

ным» в рамках одной лингвокультуры или специфичным для какой-то из контактирующих культур.

Обратимся теперь к примерам исследований, в которых ставилась задача так или иначе увязать проблему самоконтроля с продуцированием или понимаем речи.

Соотнесение речевых ошибок с различными этапами речемыслительного процесса было предпринято в экспериментальном исследовании А.А. Поймёновой [24], фокусирующей на механизмах лексических ошибок в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании вторым или третьим языком. С опорой на приведённую на рис. 2 модель было высказано предположение, что функционирование стратегий преодоления коммуникативных затруднений обеспечивается необходимостью обратной связи между этапами речевого производства и сличения результата действия с образом результата действия на каждом этапе при возможности существования более одной речевой реализации одного и того же образа результата деятельности. Разработанная А.А. Поймёновой модель приводится на рис. 4.

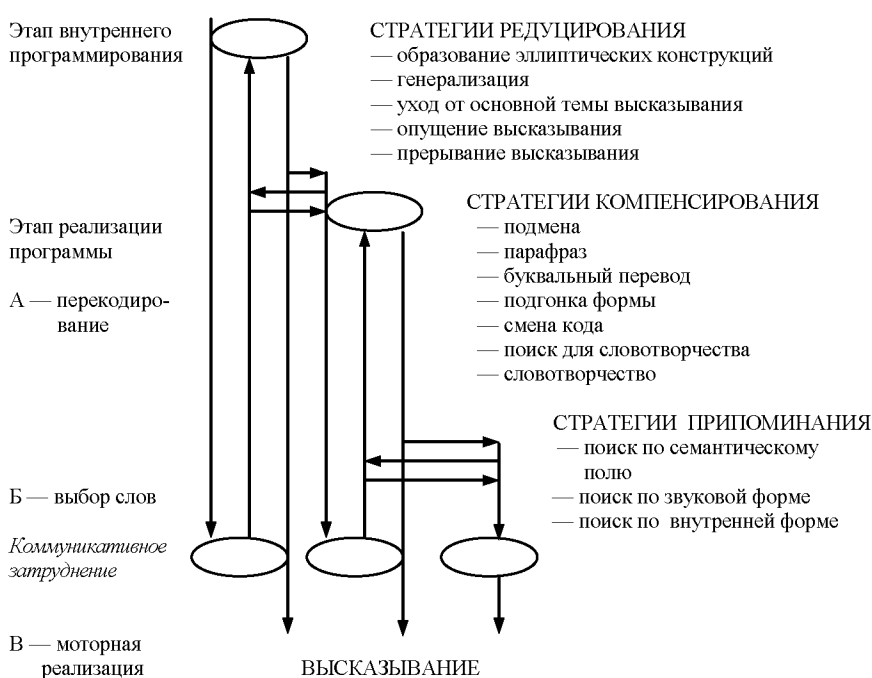


Рис. 4. Стратегии преодоления коммуникативных затруднений [23]

А.А. Поймёнова поясняет, что натолкнувшись на невозможность лексикализовать необходимые для адекватной передачи замысла признаки, т.е. убедившись в невозможности создать соответствующий первоначальному образу конечный результат действия, субъект через обратную связь возвращается к одному из предшествующих этапов речевой деятельности или остаётся на последнем этапе – этапе поиска слова. Это позволяет предположить, что стратегии преодоления коммуникативных затруднений функционируют на разных этапах реализации замысла высказывания: на этапе смыслового программирования высказывания и на этапе реализации смысловой программы.

Поскольку последний, согласно представленной на рис. 2 модели, включает в себя ряд подэтапов, можно говорить также о стратегиях, имеющих место на подэтапе перехода от смыслового кода к внешнеязыковому и о стратегиях, имеющих место на подэтапе выбора слов.

А.А. Поймёнова подчёркивает, что эта схема является упрощённой и не отражает многих важных аспектов процессов построения высказывания. Незаштрихованный эллипс на рис. 4 обозначает образ результата действия, соответствующий определённому этапу речевого производства. Первая стрелка, направленная вниз, символизирует развёртывание первоначальной программы для получения запрошенного результата. Дойдя до последнего этапа реализации программы – выбора слова, пользователь языком упирается в коммуникативное затруднение, возникшее либо в силу временной блокировки слова, либо в силу его отсутствия во внутреннем лексиконе. Не поддающийся реализации образ результата действия обозначен заштрихованным эллипсом. Возвращение на предыдущие этапы речевой деятельности символизируется стрелкой, направленной вверх. Вторая направленная вниз стрелка отображает вторичную переструктурированную программу действия, которая приводит к преодолению коммуникативного затруднения. Поперечные стрелки, ведущие к «программам действия», обозначают возможность совершения переходов от одного этапа речевой деятельности с типичным для него набором стратегий к другому этапу и другому набору стратегий.

При классифицировании выделенных наборов стратегий А.А. Поймёнова исходит из следующих соображений. Натолкнувшись на невозможность создать соответствующий первоначальному образу конечный результат действия, пользователь языком через обратную связь может возвратиться на этап смыслового программирования, где совершит переструктурирование, т.е. выберет для дальнейшего развёртывания иной признак, который мог бы позволить ему в определённой мере донести до адресата основной замысел высказывания и, хотя бы частично, преодолеть коммуникативное затруднение. Поскольку при таком переструктурировании происходит потеря некоторых признаков образа результата речемыслительной деятельности, стратегии подобного типа можно трактовать как стратегии редуцирования (со ссылкой на работу: [33]). Пользователь языком, будучи не в состоянии подыскать во внутреннем лексиконе единицу, соотносящуюся, по его мнению, с актуальными для передачи замысла высказывания дифференциальными признаками, не всегда возвращается на этап внутреннего программирования. Попытка преодолеть коммуникативное затруднение может быть предпринята через возвращение на этап перекодирования, к моменту развёртывания более обобщённых признаков в более дифференцированные. При этом происходит переориентировка на другие дифференциальные признаки, способные донести до адресата сущность ключевого признака, идентифицированного субъектом. Такие стратегии трактуются как стратегии компенсирования. Стратегии припоминания фигурируют в случаях, когда пользователь языком, натолкнувшись на коммуникативное затруднение, не возвращается на предшествующие этапы ре-

чепроизводства, а проявляет настойчивость в поиске некоторой лексической единицы, более или менее подходящей для передачи смысла.

В более раннем исследовании Г.В. Ейгера [6; 7] предпринято описание механизма контроля языковой правильности высказывания на основных этапах производства речи, в том числе при овладении иностранным языком. Предлагаемая Г.В. Ейгером трактовка речевых ошибок в соответствии с особенностями работы названного механизма на разных этапах процесса продуцирования речи была в своё время отображена мною в обобщающих схемах, первоначально приведённых в работе [11: 55–56], см. рис. 5 и рис. 6.

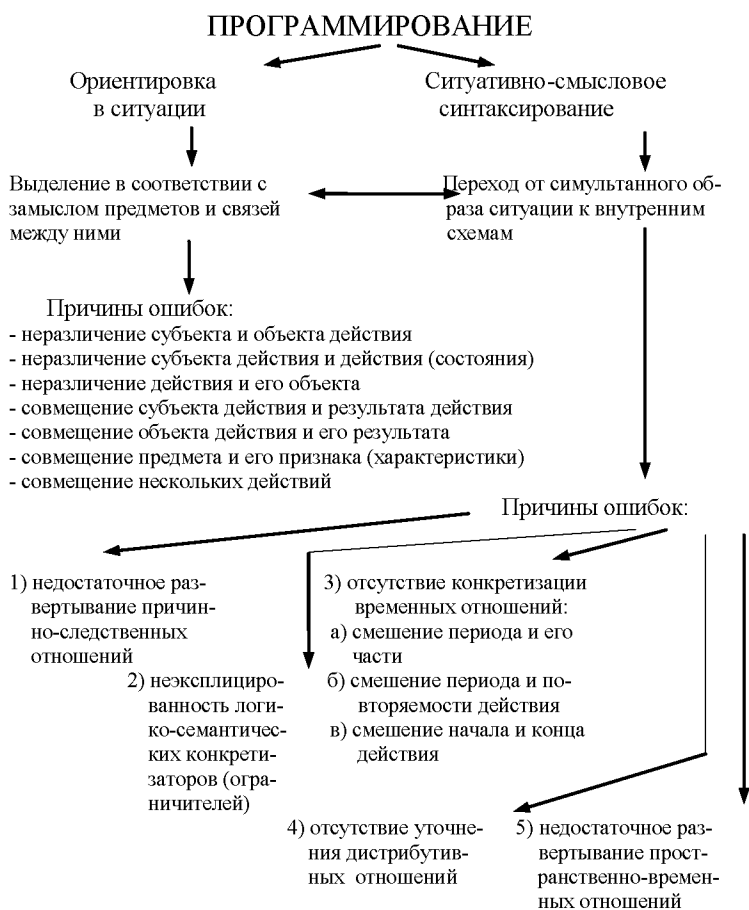


Рис. 5. Причины ошибок в ходе программирования речи (по: [6; 7])

С этапом внутреннего программирования Г.В. Ейгер увязывает сбои в работе речевого механизма, которые могут быть объяснены за счёт неверного расщепления «смысловых сгустков» при ориентировании в ситуации, когда требуется разведение субъекта и объекта действия, субъекта действия и самого действия (состояния), субъекта действия и результата действия и т.д. К названным на рис. 5 причинам ошибок по линии выделения в соответствии с замыслом предметов и связей между ними можно добавить и не упомянутый Г.В. Ейгером случай смешения субъектов разных действий, который можно проиллюстрировать примерами типа: **Будучи девочкой, отец уделял мне мало внимания* (из радиопередачи).

Эта схема показывает также, что неизбежная на данном этапе «сжатость» действий как исходный момент ситуативно-смыслового синтаксирования требует, чтобы при переходе от симультанного, целостного образа ситуации к внутренним схемам производились разбивка предложений, их развёртывание, конкретизация причинно-следственных, временных и прочих отношений и связей: именно этого не произошло в приведённом выше примере, свидетельствующем о параллельности функционирования процессов, которые обозначены обеими ветвями схемы. Условность разграничения этих процессов, их взаимообусловленность и взаимозависимость показаны на рис. 5 посредством двунаправленных стрелок, что отличается от частично соотносимых с этим рисунком схем в работах Г.В. Ейгера [6; 7].

При рассмотрении этапа реализации программы (см. рис. 6) Г.В. Ейгер учитывает, что процессы синтаксирования и лексического наполнения могут протекать последовательно, параллельно и накладываться друг на друга.



Рис. 6. Виды ошибок в ходе реализации программы высказывания (по: [6: 24; 7: 64])

В качестве примеров сбоев на этом этапе Г.В. Ейгер рассматривает контаминацию как ненормативное соединение в результате интерференции компонентов двух (реже – более чем двух) конструкций, обладающих определённым формальным и семантическим сходством, и семантическую индукцию, при которой одно слово заимствует способ сочетаемости у другого или других семантически близких слов, в результате чего само это слово не искажается, но возникает ненормативное сочетание слов.

Следует подчеркнуть, что Г.В. Ейгер объясняет анализируемые им ошибки с учётом совокупности последовательно осуществляемых операций поиска и извлечения языковых единиц из памяти, а также через действие резонансного механизма, обуславливающего, например, образование контаминированных структур на основе разнообразных комбинаций простых и/или сложных признаков. Заметим также, что Г.В. Ейгер с опорой на результаты предпринятого им экспериментального исследования показывает пути и возможности

формирования механизма контроля языковой правильности высказывания в ходе обучения иностранному языку.

Не имея возможности обсуждать здесь более поздние экспериментальные исследования, так или иначе проливающие свет на функционирование механизма самоконтроля при продуцировании речи или понимания текста на родном или иностранном языке (см., например, [2; 18; 19; 21; 25; 28; 30; 31]), ограничусь замечанием, что в последнее время лишь отдельные исследователи обращаются к глубинным основаниям речемыслительного процесса, обеспечивающим результат речемыслительного действия (см., например, работы Е.Ю. Мягковой [22; 23]). Однако представляется, что именно рассмотрение природы «смысловых сгустков» (по Г.В. Ейгеру) или «образа результата речемыслительной деятельности» (по модели, приведённой на рис. 2) и разностороннее исследование стратегий и опор при «расщеплении» смысловых сгустков или навигации по мультимодальному гипертексту в ходе реализации замысла высказывания могут в конечном итоге привести к практическим рекомендациям относительно оптимальных путей исправления речевых ошибок и/или их предотвращения. Несомненно, для реализации такой задачи требуются соответствующая теория значения слова, ориентированная на «живое знание», а также согласующиеся с такой теорией исследовательские процедуры.

Особенности самоконтроля как естественного процесса

Итак, функционирование самоконтроля как естественно протекающего процесса обеспечивается сформированным в филогенезе механизмом обратной связи, посредством которого производится сопоставление результатов разных этапов речемыслительного процесса с задаваемым или искомым смыслом при параллельном протекании ряда взаимодействующих процессов и воздействии множества внешних и внутренних факторов.

Представляется важным рассмотреть, ограничивается ли контроль в таких случаях именно и исключительно осознаваемыми действиями. При обсуждении поставленного вопроса следует подчеркнуть, что ещё в конце XIX века И.М. Сеченов называл предрассудком, укоренившимся в умах даже образованных людей, представление о том, что интеллектуальная деятельность обязательно сводится к осознаваемому (см.: [29]). В середине XX века А.Н. Леонтьев объяснил такое заблуждение «иллюзией рефлексии» и указал на постоянную динамику уровней осознаваемости в любом виде деятельности человека [20]. Известно, что «на табло сознания» попадают только конечные продукты ряда параллельно протекающих процессов, т.е. осмысление языкового явления возможно благодаря опоре рефлексии на продукты неосознаваемой деятельности. Представляется оправданным говорить о самоконтроле как понятии, подразумевающим комплексный характер контроля, при котором реализуются взаимодействие и постоянная динамика различных уровней осознаваемости (представим себе хотя бы некоторые образы и

цепочки выводных знаний, без неосознаваемого учёта которых не было бы возможным понимание смысла воспринимаемого сообщения).

Как в научном, так и в обыденном общении на родном или иностранном языке мы нередко сталкиваемся с ситуацией, в которой обнаруживается, что общающиеся по-разному понимают какое-то определение, термин, именование некоторого даже вполне обычного предмета или действия, поскольку при внешнем сходстве продуктов вербальной манифестации мы увязываем их с различающимися образами и/или подспудно воздействующими на восприятие эмоционально-оценочными переживаниями. Это происходит именно за счёт всего того, что имплицитируется соотносимыми с языковыми единицами категориальными полями, смысловыми полями или идентифицируемыми (с разных позиций) признаками, отношениями, ситуациями с вытекающими из них следствиями. При необходимости выяснения того, насколько, в какой мере и в каких отношениях наши знания или представления являются разделяемыми с собеседниками, мы меняем фокус внимания, переходим на иной уровень осознаваемости, выводя «на поверхность» то, что ранее учитывалось на уровнях неосознаваемого или бессознательного контроля.

Аналогичная ситуация перехода на уровень осознаваемости имеет место в ходе продуцирования речи, когда сигнал несоответствия или неполного, недостаточного соответствия замыслу высказывания, поступающий с уровня неосознаваемого контроля, побуждает нас заменить неудачно выбранное слово, а в некоторых случаях – и переформулировать структуру высказывания, поскольку требуемое слово в неё не вписывается. Такая ситуация эксплицируется при исправлении ошибок в речи на иностранном языке, когда сигнал о несоответствии поступает от преподавателя, нередко указывающего не только на факт наличия ошибки, но и на её характер (например: артикль, предлог и т.д.). Фактически то же самое происходит и по мере овладения первым языком, когда окружающие исправляют речевые ошибки ребёнка, однако, к сожалению, современные молодые родители не только не уделяют достаточно внимания объяснению того, почему нельзя как-то сказать или как лучше сказать о чём-то, но, более того, сами не замечают допускаемые неточности или нарушения правильности речи. Удивительно, но даже студенты, обучающиеся по филологическим специальностям, в проводимых исследованиях не идентифицируют такие ошибки, как неверное определение места «не только» в структуре высказывания или смешение субъектов разных действий, ср., например:

**Композитор Россини сочинял не только музыку, но и придумывал новые кулинарные рецепты (из радиопередачи).*

**Отработав горничной один год, услуги королеве становятся в три раза дороже (из телепередачи).*

То, что контроль при пользовании языком в принципе является мета-языковым, сомнений не вызывает: такое определение является оправданным, поскольку объектом рефлексии является язык, по отношению к которому осмысление рефлекслируемого происходит с помощью языка «второго порядка», т.е. языка описания естественного языка как рассматриваемого объекта. Но

является ли обсуждаемый вид контроля исключительно осознаваемо-метаязыковым? Некоторые авторы полагают, что контроль должен быть метакогнитивным, но можно ли принять такое определение безоговорочно? Ответ на этот вопрос полностью зависит от принимаемой нами трактовки языка как достояния пользующегося им человека. Если признать, что языковые средства означают что-то не сами по себе, а только за счёт опоры на образ мира и на имеющиеся у индивида цепочки выводных знаний об устройстве мира и о принятых в лингвокультуре способах именовании объектов, действий, ситуаций и т.д. (а это происходит при взаимодействии всех видов психических процессов), то окажется, что требуется и метаперцептивный контроль, и контроль за социокультурным аспектом ситуации общения и т.д., возможны и какие-то ещё разновидности метаконтроля: перечень только начат, он остаётся «открытым», и каждая область науки о языке, двуязычии, психических процессах, межкультурных контактах и т.д. может добавить свой ракурс видения этой проблемы. Фактически именно это происходит, когда предпринимается анализ языковых явлений с позиций разных языковых уровней, многообразных научных подходов и т.п. Однако при возможности анализа различных аспектов рассматриваемого феномена необходимо помнить о том, что при научном описании лишь моделируется исследуемый объект со связанными с ним процессами: мы строим гипотезы относительно того, что не поддаётся прямому наблюдению; убедительность таких гипотез должна достигаться не столько логическими рассуждениями, сколько их проверкой с использованием подходящих для этого процедур. В отношении самоконтроля в речемыслительной деятельности представляется несомненным, что носитель языка действительно учитывает описываемые лингвистикой закономерности, однако делает это в результате «своеобразной переработки речевого опыта» (в терминах Л.В. Щербы), в ходе которой формируются имеющие комплексную природу функциональные опоры, благодаря которым оказывается возможным посредством относительно стабильной дискретной языковой единицы «выходить» на широчайшую и принципиально нестабильную сеть мультимодальных связей, позволяющих переживать понимаемое при взаимодействии тела и разума, логики и воображения, беспристрастности и эмоционально-оценочных приоритетов и т.д. Иначе говоря, прямое наложение на процессы пользования языком системно-структурных закономерностей, выводимых из чисто рациональных научных описаний языковых явлений, которые якобы означают нечто «сами по себе», чревато опасностью принимать желаемое за действительное. Не случайно, от отождествления научных абстракций и обобщений с реальным функционированием языка неоднократно предостерегали отечественные языковеды: А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба и др.

В связи со сказанным выше представляется оправданным повторить приводившуюся в работе [17] таблицу, с помощью которой сопоставлены два пути получения знания: дискурсивный (в данном случае – научный) и интуитивный (т.е. используемый индивидом в процессах познания и общения при

адаптации к естественному и социальному окружению, в том числе – и при «своеобразной переработке речевого опыта», по Л.В. Щербе).

Несомненно, строгое противопоставление таких путей познания является очередной научной абстракцией, поскольку в реальной жизни имеет постоянное взаимодействие анализа и синтеза сравнения и классификации, протекающих независимо от нашей воли и сознания (по И.М. Сеченову), однако то и дело оказывается необходимым фокусироваться на каком-то признаке или признаках одной модальности, последовательно рассуждая и осуществляя поиск по выработанному в опыте алгоритму. Точно так же невозможно строго разграничить процессы оперирования значением слова «для себя» и «для других»: это связано с двойственной позицией пользующегося языком/речью субъекта, ибо человек существует в двух ипостасях: он всегда и говорящий, и слушающий (в том числе – сам себя), самоконтроль в обоих направлениях «работает» по принципу взаимодополнительности.

Таблица

Параметр	Путь получения знания	
	Интуитивный	Дискурсивный
Порядок действий	Одновременный	Последовательный
Характер признака	Разные модальности	Одна модальность
Характер информации	Различная по качеству	Одного качества
Уровень осознаваемости	Малоосознаваемый процесс	Осознаваемое рассуждение
Основная опора	Комплексные ориентиры	Акцентируемый признак
Вид поиска	Эвристический поиск	Поиск по алгоритму

Особо подчеркнём малоосознаваемость объединения нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие ход и результаты действия интуиции. В этой связи очень важным представляется вывод в книге [34] относительно того, что категоризация опыта, получаемого в двуязычной ситуации, и результирующая когнитивная структура добавляют двуязычному индивиду определённые сложности и преимущества, при этом не только на начальном этапе обучения второму языку, но и в течение всей его жизни. Понимание этого феномена затруднено тем, что не весь опыт может кодироваться языковыми средствами, поскольку некоторые виды опыта могут оставаться организованными на довербальном или до-символическом уровне. Это особенно касается опыта, полученного до того как у ребёнка была сформирована символическая функция языка. Обратим внимание на то, что такой вывод хорошо согласуется и с высказанным ранее Н.И. Жинкиным [8: 83] мнением о формировании смысла до языка и речи и с выводами по исследованиям последних лет (ср. заключение Э. Голдберга [3] о том, что разные аспекты значения слова распределены в различных областях мозга в тесной связи с теми аспектами физической реальности, о которой идёт речь). Добавлю, что ещё до этого Э. Бялисток [32] высказывала предположение, что при двуязычии задействуются не только речевые зоны головного мозга.

Данные такого рода дали основания для обсуждения идеи двойной жизни значения слова и далее – для разработки интерфейсной теории значения слова (см.: [14; 15; 35]), согласно которой значение слова выступает инструментом, опосредующим звеном между функционирующим в социуме словом и тем, что увязано в памяти индивида колоссальной сетью связей между продуктами перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения; навигация в таком «живом» мультимодальном гипертексте направляется топами (о теории топов см.: [26; 27]), которые (в моей трактовке) представляют собой продукты максимальной компрессии смысла, развёртываемого до уровня, соответствующего замыслу высказывания, при неосознаваемом учёте широкого круга цепочек выводных знаний, образующих внутренний контекст и подтверждающих вероятную достоверность именуемого (ср. с эвиденциальной теорией выводного знания: [4; 5]).

Обратим внимание на то, что названные проблемы, как и приводимые в этой публикации рисунки, «выросли» из наблюдений, сделанных при обработке материалов моих первых ассоциативных экспериментов ещё в 1960-е годы. Согласно полученным данным, были сделаны выводы о том, что: 1) участники эксперимента прежде всего пытаются самим себе уточнить, что означает идентифицируемое слово, и в то же время для других засвидетельствовать, что они поняли слово так, а не иначе; 2) такие уточнения реализуются с использованием определённых стратегий и опор; 3) при отсроченном воспроизведении предъявлявшихся в эксперименте слов испытуемые нередко производят смысловые замены или тематические «подмены» и «приписки», в значительной мере повторяющие средства идентификации слов «для себя», главное – демонстрирующие продукты перевода слов на смысл, т.е. в памяти сохраняется не столько словоформа, сколько то, что с ней увязывается в индивидуальном опыте познания и общения (см. подробно: [10]). Совокупность таких наблюдений в своё время дала основания для проверки гипотез о существовании ядра лексикона индивида и его роли в познании и общении, об использовании разного рода стратегий и опор в процессе идентификации слова родного языка или иноязычного слова и т.п., а также для углублённого исследования процессов извлечения смысла из текста и реализации смысла в тексте. Проверка таких гипотез и дальнейшая разработка психолингвистической теории слова как достояния индивида были реализованы в ряде докторских (И.Л. Медведевой, 1999; Н.В. Мохамед, 2000; Т.М. Рогожниковой, 2000; Т.Ю. Сазоновой, 2000; С.И. Тогоевой, 2000; С.В. Лебедевой, 2002; Н.О. Золотовой, 2005; С.А. Чугуновой, 2009; Н.И. Кургановой, 2012) и во многих кандидатских диссертаций моих учеников и далее – их собственных учеников. Совокупность полученных результатов убедительно свидетельствует о правомерности намеченного ещё в 1960-е гг. разграничения двух названных направлений самоконтроля при естественном функционировании языка. Основания для объяснения этого феномена фактически содержатся во втором издании учебника «Введение в психолингвистику» [13], где разграничивается ряд двойственных функций значения слова как достояния индивида, а также в книге о двойной жизни значения слова [14]. В ис-

пользуемых ныне терминах, речь идёт, во-первых, об идентификации воспринимаемого слова «для себя» как подтверждении правильности нахождения опор в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта; во-вторых, о том, что при продуцировании речи поиск идёт от компрессии смысла к именованию кванта разделяемого знания, т.е. в направлении «для других». Тем не менее, поскольку один и тот же индивид выступает и говорящим, и слушающим, оба направления, скорее всего, функционируют во взаимодействии, на что уже было указано ранее.

Сказанное выше имеет непосредственную связь с проблемой самоконтроля речи: необходимы функциональные опоры речемыслительного действия, выводящие на переживание смысла как образа ситуации со всеми её характеристиками. Так, многие поколения носителей русского языка контролировали невозможность смешения разных субъектов действий с опорой на бессмертный чеховский образ шляпы, проезжающей мимо станции. Почему же теперь диктор телевидения может позволять себе высказывания типа: **Придя в школу, электронное устройство зафиксировало его приход* (ср. с «шедевром» из школьного сочинения; **Сидя на лавочке, ко мне подошла бабушка*). Прискорбно, но подобные ошибки становятся всё более распространёнными. Видимо, современное школьное образование в сочетании с результатами общения в Сети приводит к утрате эйдетических возможностей людей, у которых атрофируется способность к переживанию смысла с опорой на конструирование наглядных образов (хотя бы образа той самой бабушки, которая ухитряется подходить к кому-то не как-нибудь, а именно «сидя на лавочке»!).

Заключение

Итак, мы выяснили, что самоконтроль как проявление принципа обратной связи может быть либо полностью осознаваемым целенаправленным процессом (в этом случае его можно называть автосканированием), либо малоосознаваемым естественным процессом, спонтанно протекающим при динамике разных уровней осознанности при возможности выведения на «табло сознания» продуктов речемыслительного процесса, подтверждающих успешность реализации заданного смысла или сигнализирующих о наличии рассогласования по некоторому признаку и о необходимости возвращения на предшествующий этап (или этапы) процесса для исправления допущенной ошибки.

Формирование опор для самоконтроля, скорее всего, осуществляется при взаимодействии следующих двух путей:

1 – через переработку перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта познания и общения в ходе адаптации к естественному и социальному окружению. При этом посредством постоянно протекающих неосознаваемых процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации у ребёнка начинают формироваться функциональные опоры, смысловую основу которых составляют чувственные переживания и базирующиеся на них обобщения, увязываемые с принятыми в социуме именованными;

2 – через воздействие окружающих и целенаправленное обучение с фокусированием на принятых в культуре нормах поведения (в том числе – речево-

го). При этом решающая роль принадлежит формированию «петель обратной связи» сначала как инструмента осознаваемого контроля, а далее – как функциональной опоры бессознательного контроля,

Взаимодействие названных путей формирования самоконтроля в идеале должно обеспечивать совокупный эмерджентный продукт – систему опор, позволяющую на уровне неосознаваемого контроля направлять ход речемыслительного процесса в соответствии с замыслом высказывания. Особую роль в формировании таких опор, несомненно, играют эмоционально переживаемые ситуации, позволяющие в дальнейшем успешно конструировать мысленные образы, увязываемые с определёнными речевыми моделями.

Список литературы

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл; Издат. центр «Академия», 2006. Т. 1. 448 с.
2. Воскресенский И.В. Стратегии имплицитирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Воскресенский ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2007. 20 с.
3. Голдберг Э. Управляющий мозг / пер. с англ. М., 2003. 335 с.
4. Голубева О.В. Основы теории эвиденциальности смыслового переживания значения индивидом // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 7–21.
5. Голубева О.В. Эвиденциальное смысловое переживание как причинное кодирование знаний об объекте // Слово и текста: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Залевской. Тверь, 2015. Вып. 15. С.10–18.
6. Ейгер Г.В. Механизм контроля языковой правильности высказывания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1989. 51 с.
7. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: «Основа», 1990. 184 с.
8. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
9. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.
10. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 206 с.
11. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. 197 с.
12. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
13. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
14. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.
15. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова: монография. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. [Электронная книга] / URL: www.directmedia.ru/
16. Залевская А.А. Метаязыковое сознание и грамотность // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 38–43.
17. Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 29–36.
18. Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.А. Ищук ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2009. 19 с.

19. Корниевская С.И. Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.И. Корниевская ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2012. 19 с.
20. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Изд-во политич. литературы, 1977. 304 с.
21. Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Мохамед ; Баш. гос. ун-т. Уфа, 2000. 40 с.
22. Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка при обучении пониманию иностранного текста // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. Вып. 6. С. 122–130.
23. Мягкова Е.Ю. Внутренняя грамматика и овладение иностранным языком // // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 24. С. 265–272.
24. Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 170 с.
25. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 147 с.
26. Садикова В.А. К вопросу о языковой топологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 44–49.
27. Садикова В.А. Диалектика в языке и языкознании // Слово и текста: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Залевской. Тверь, 2015. Вып. 15. С. 52–56.
28. Саркисова Э.В. Взаимодействие стратегий и структурных опор при идентификации незнакомого слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Саркисова ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2014. 18 с.
29. Сеченов И.М. Избранные произведения. М.: Учпедгиз, 1953. 355 с.
30. Соловьева М.В. Стратегии понимания иноязычного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.В. Соловьева ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. 15 с.
31. Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Чернышова ; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2010. 18 с.
32. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition, 2009. Vol. 12(1). Pp. 3–11.
33. Ellis R. Understanding second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1986. 327 p.
34. Javier R.A. The bilingual mind: Thinking, feeling and speaking in two languages. Springer, 2007. 154 p.
35. Zalevskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. London: International Academy of Science and Higher Education, 2014. 180 p.

SELF-CONTROL THEORY AND SPEECH PRODUCTION MODELING

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

Some problems of terminology are discussed in connection with speech production mechanisms. A speech production model and several classifications of speech errors are used for grounding the role of self-control functioning at different levels of awareness.

Key words: *speech production, speech error, speech errors classification, self-control.*

Об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru